

© 2000 г. С.И. ОЖЕГОВ

О ПРОСТОРЕЧИИ (К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ГОРОДА)

В настоящем издании публикуется одна из наиболее ярких работ раннего С.И. Ожегова, который мало знаком как читателям, так и исследователям. Статья имеет авторское название и составляет 36 листов убористого текста зелеными чернилами на листах тетрадного формата. Работа датируется предположительно 1930-ми годами. Публикуется впервые по автографу С.И.Ожегова (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 11). Подготовка рукописи к изданию и текстологический комментарий осуществлены О.В. Никитиным.

Ученый не случайно обратился к разработке данной проблемы, ставшей популярной в 1950–1960-е годы, и как бы идет по стопам старшего коллеги – Б.А. Ларина, чье внимание занимала эта тема (вспомним его статью 1928 года "К лингвистической характеристике города"). Но в отличие от него, С.И. Ожегов применяет иной инструментарий и оперирует другими "смыслами". Поэтому их работы читаются и понимаются по-разному, но в едином порыве, ибо они не носят сугубо теоретический характер и не изобилуют иноязычной терминологией, а имеют ясный, богатый фоновыми сравнениями и живыми красками язык. В издаваемой статье С.И. Ожегов очень точно выразил филологический и даже в чем-то философский характер "лингвистического времени". "В языке современности, – пишет он, – нет единства. (...) Отсутствие единства создается (...) существованием двух полярных систем. Одна – литературный язык с достаточно устойчивыми формами выражения и письменно-фиксированный, с резкими консервативными тенденциями". Потому ученый уделил особое внимание различиям *типов* городского языка и выявлению тех его просторечных компонентов, которые свидетельствуют о наличии особого городского "говора". При этом С.И. Ожегов различает понятия "просторечие" и "диалект", полагая, что последнее "до сих пор нельзя считать окончательно определенным". Весьма подробно рассматриваются в статье основные тенденции просторечия. Автор выделяет описываемый им языковой феномен в "особую орфоэпическую систему" и подробно анализирует ее признаки. Во многом интересны идеи С.И. Ожегова, связанные с проблемой соотношения просторечного слова с иноязычными заимствованиями. В заключительной части статьи ученый исследует семантико-синтаксические отношения "внутри" системы городского арго, а именно: "приспособление литературных значений, деформация синтаксических оборотов и фразеологии". Всякий раз С.И. Ожегов подтверждает свои наблюдения разнообразными примерами из речевого обихода города. Этим, наверное, достигается и *жизненность* выдвинутых автором положений, и их *экспериментальность*, которые, как мы полагаем, выдержали проверку временем и звучат так же современно, как и 60 лет назад.

Как-то известный писатель и мудрый человек К.И. Чуковский, оценивая один из трудов С.И. Ожегова, позднее скажет то, что было неперенным условием, основополагающим принципом научных разысканий ученого. Вот эти слова: "Это не дилетантская книга. В ней совершенно отсутствует вкусовщина (...). Научность ее выражается не в щеголянии трудными учеными терминами, а в тех предпосылках, на основе которых авторы (...) произносят то или иное суждение. Эти предпосылки – чувство *историчности*, *диалектичности* (здесь и далее курсив наш. – О.Н.) языковых явлений, то есть полное отсутствие того *догматизма*, которым всегда отличаются *обывательские* суждения о языке" (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 173. Л. 3). Представляемая статья и есть яркая иллюстрация этого основного научного принципа С.И. Ожегова.

О.В. Никитин

§ 1. Изучение языкового обихода русского города становится, как будто, задачей русской филологии (столь мало вообще популярной в сознании говорящих на этом языке)¹.

К этому изучению приводят интересы двоякого рода: стремление к пересмотру исторических перспектив развития языка, а с другой стороны, стремление к познанию факторов становления языка² в различных социальных группах, без чего невозможно и³ понимание эволюционного процесса.

Первый из русских лингвистов, кто поставил вопрос о роли городских центров в судьбах русского литературного языка, был А.А. Шахматов. Ему принадлежит ("Вв(еде)ние в курс ист(ории) рус(ского) яз(ыка)") плодотворная мысль о языке, как он называл, "образованных" и "господствующих" классов Киева и Москвы. Не только целый ряд спорных исторических вопросов (напр(имер), о языке полян, о населении и языке киевщины) может быть⁴ по-новому разрешен с этой точки зрения, но и весь процесс исторического развития русского языка, рассмотренный не как сцепление механических воздействий и крестьянских диалектов, предстанет в новом, более реальном свете. Но стремление к полному пониманию механизма языковых систем различных исторических эпох всегда наталкивается на вполне естественную⁵ отрывочность данных, которая предопределяет неполноту знания о системе и сводит его к классификации и определению отдельных элементов. И вот поэтому первым этапом является изучение языковой обстановки современного города, которая легче поддается и наблюдению (и которая, при соблюдении необходимых условий, обеспечит полноту знания о системе)⁶.

§ 2. В языке соврем(енности)⁷ нет единства. И не потому только, что специфические условия городской жизни создают многочисленные условно-профессиональные говоры, жаргоны. Они могут сосуществовать с общепонятным языком города, не нарушая его системы и лишь увеличивая пестроту словесного обмена. Отсутствие единства создается не этим, а существованием⁸ двух полярных систем. Одна – литературный язык с достаточно устойчивыми формами выражения и письменно-фиксированный, с резкими консервативными тенденциями. Как культурный и государственный язык, он в сущности⁹ экстерриториален и в городе для него лишь наилучшая точка приложения. Как культурный, он является притягательным центром, к которому стремятся все, желающие получить права культурного гражданства.

Другая система – язык, не совпадающий вполне ни с литературными диалектами, язык городской в тесном смысле слова, порождение города, язык, который условно можно назвать "просторечием". Этот язык всегда, а в годы революции в особенности, является причиной эволюции литературного языка, котлом, в котором перевариваются диалекты, чтобы впоследствии внести свежие струи в литературный язык.

§ 3. Условное введение термина "просторечие" объясняется крайней расплывчатостью его. Традиция его применения многообразна. Впервые появляется он как термин стилистического, а не собственно языковедческого определения. Так, в XVII веке

¹ Конец фразы, заключенный нами в угловые скобки, зачеркнут. Здесь и далее авторские сокращения и незначительные пропуски раскрываются в угловых скобках. Пунктуация подлинника приведена в соответствие с нормами современного языка.

² Далее написано и зачеркнуто: *в сознании говорящих*.

³ Далее написано и зачеркнуто: *историческое*.

⁴ Далее написано и зачеркнуто: *освещен*. Затем одно слово в ркп. зачеркнуто (запись неразборчива), затем написано *и* (зачеркнуто).

⁵ Далее начало недописанного слова зачеркнуто.

⁶ Конец фразы, заключенный нами в угловые скобки, зачеркнут.

⁷ Слово приписано над строкой.

⁸ Далее написано и зачеркнуто: *в городе*.

⁹ Предлог со словом приписаны над строкой.

просторечием называлось всякое литературное речеведение, несоответствующее¹⁰ нормам красноречия – риторики (ср. Аввакум). В XVIII веке просторечие – разновидность речи образованных людей: это домашняя непринужденная речь, не стесняемая условностями общественного этикета и книжным словоупотреблением. Впрочем, в нем существовали не только лексические, но морфолого-синтаксические отличия от книжного языка¹¹. На него и был ориентирован "низкий штиль". Когда в XIX веке (к середине его, приблизительно) определилась социальная дифференциация города, то оказалось, что то, что было присуще "домашнему" языку дворянства, принадлежит к мелкому чиновничеству, мещанству и прочим не сословным обитателям города (ср. "Господин Прохарчин" Достоевского). Если дворянство и могло еще щеголять языковыми "вольностями", нарочитыми¹² диалектизмами, то для новых носителей городской культуры, разночинной интеллигенции, унаследовавшей книжные традиции речи, представлялось социально необходимым закрепить их, элиминировав "вульгарные" обороты и "народные" формы. В итоге причина почти¹³ законодательной принудительности¹⁴ правописания Грота. Всплывает и новое название "мещанский говор", для обозначения языка "необразованных" городских слоев. Термин "просторечие" в лингвистической литературе стал¹⁵ употребляться крайне неточно: им называлась всякая речь, отличная от литературной: и крестьянские диалекты, и язык низких социальных слоев города вообще, и т(ак) н(азываемые) мещанские говоры, иными словами, "просторечие" стало синонимом "простонародного языка". А в разговорном обиходе интеллигенции "просторечие" стало употребляться как синоним выражения чего-н(ибудь) попросту, без обиняков.

Выдумывать¹⁶ новый термин трудно, да и не всегда полезно. Принимая же термин "просторечие" для обозначения 2-го общего языка города в его современном состоянии, нужно понимать его только, как языковую характеристику той части городского населения, которая не говорит на "литературном" языке. Ведь, в сущности, за каждым обжившимся в языке словом тянется хвост былых воспоминаний и¹⁷ разномысленных ассоциаций.

§ 4. Просторечие в¹⁸ общем характере своего речеведения имеет некие¹⁹ устойчивые признаки. Это не раз отмечали наблюдатели (Дикарев, Добровольский), некоторые исследователи (Обнорский). Преимущественно замечания их относились к крупным городским поселениям²⁰. Как велико это однообразие просторечия по всем городским поселениям, судить, пока не исследовано, трудно. Но располагая личными впечатлениями современников и данными других языков (напр(имер), французского) в этом направлении, в правдоподобии сомневаться не приходится. Причина этого однообразия – в аналогичности социальной конфигурации городов. Стало уже обычным утверждение о том, что образование и существование "общего языка" определяется²¹ совокупностью социальных, экономических, политических условий (Vendryes).

Определенность границ и устойчивость форм речеведения в разных типах городского языка прямо пропорциональны устойчивости социальных делений. В Париже, где социальная градация верхних буржуазных слоев и культурной интеллигенции, средней и мелкой буржуазии с чиновнической массой и пролетариата, имеет форму законченной

¹⁰ Написано над зачеркнутым словом *выпадающее* из.

¹¹ Далее четыре слова зачеркнуты (запись неразборчивая).

¹² Слово приписано над строкой.

¹³ Слово приписано над строкой.

¹⁴ Написано над зачеркнутым словом *характера*.

¹⁵ Слово приписано над строкой.

¹⁶ Одно слово сверху зачеркнуто (запись неразборчивая).

¹⁷ Далее одно слово зачеркнуто (запись неразборчивая).

¹⁸ Далее написано и зачеркнуто: *своем*.

¹⁹ Далее написано и зачеркнуто: *стандартные*.

²⁰ Далее написано и зачеркнуто: *Насколько*.

²¹ Далее несколько букв следующего слова жирно зачеркнуты.

и замкнутой иерархии классов, где каждая социальная прослойка разделена не только экономическими границами, но бытовыми навыками, общественными вкусами, не принятыми в другой (а примеры для подражания только от высших) – там и речь в ее грамматических и лексических нормах строго прикреплена к каждой общественной группировке (Vendryès, Bauche, Sainéan). Здесь²² можно говорить о наличии социального диалекта.

Специфичность русских социальных условий несколько иная. Не было столь строгой, как во французских условиях, бытовой, житейской отграниченности в средних прослойках общественной иерархии. Социальная разнокалиберность так называемой интеллигенции была связующим звеном между речью верхов и низов. Речь, сама по себе, не расценивалась, как во Франции, социальным дифференциатором²³. Колебания норм речи признавались скорее различиями культурными (подвижными, легко устранимыми), а не различиями социальными (непроходимыми).

Для дореволюционного времени устойчивым представляется только слой городского мещанства, мелкого чиновничества и тяготеющего к ним городского населения. Особенности их речи (совершенно, впрочем, не исследованные)²⁴ получили название "мещанских говоров"²⁵. Оставляя в стороне вопрос о существовании "мещанской речи" дореволюционного времени, надо лишь заметить, что целый ряд устойчивых наслоений (форм и фразеологии) в современном просторечии исходит именно из традиций этой мещанской речи. Вполне понятно, что основной крестьянский контингент, оседавший в городах, рабочие, по характеру бытовых отношений²⁶, подвергались воздействию этой мещанской речи, которую они слышали на рынках и базарах, в лавках, в сношениях с низшей администрацией, и которая служила образцом. Крестьянин, еще живущий в деревне²⁷, в том случае, когда он видит отличие своей речи от городской, он сравнивает свою речь с говорением городского обывателя, а не с литературным языком, с которым сталкиваться не приходится.

«Теперь можно ответить на вопрос»²⁸ – кто же является субъектом просторечия? Разрушение²⁹ революцией тонких социально-бытовых переборок³⁰, прилив новых и по-новому говорящих людей во все звенья государственного аппарата и общественной жизни, казалось, смешали и без того спутанную языковую конфигурацию города. Литературный язык поспешно идет к установлению двух норм внутри себя: письменной и разговорной. Последняя подвижна и неустойчива³¹. В основе создания новой разговорной литературной нормы лежат лингвистические свойства просторечия³². И различие этих типов городского языка осмысливается не как различия социальной дифференциация, а как ступени культурного развития. В этом³³ трудность определения носителя просторечия.

Основной массой, говорящей на просторечии современного города, является промышленный пролетариат, регулярно пополняемый резервами из деревни; текущий элемент строительных рабочих, не порывающий связи с деревней; разнокалиберные остатки многоликого мещанства, чиновничества, переваривающихся в рабочей массе города на фабриках, заводах, в учреждениях низовой администрации и влияющих на

²² Далее одно слово зачеркнуто (запись неразборчива).

²³ Далее зачеркнуты слово *речь* и начальные буквы следующего слова.

²⁴ Написано по зачеркнутому: *совершенно не исследованные*.

²⁵ Далее полторы строки жирно зачеркнуты (запись неразборчивая).

²⁶ Далее написано и зачеркнуто: *были*.

²⁷ Далее написано и зачеркнуто: *если и*.

²⁸ Указанная фраза в автографе заключена в квадратные скобки и зачеркнута.

²⁹ Первоначально было написано: *разрушенные*.

³⁰ Далее написано и зачеркнуто: *и*.

³¹ Далее написано и зачеркнуто: *разноцветна*.

³² Далее написано и зачеркнуто: *но*.

³³ Далее написано и зачеркнуто: *основная*.

речеведение рабочих, которые, в свою очередь, в большинстве своем, поддерживают и личные, и общественные связи с деревней. Но речь всех этих слоев города не застывает ни с точки зрения влияния снизу (деревня), ни с точки зрения давления сверху (лит(ературный) яз(ык)). Условия культурной жизни города и отсутствие обычных социальных перегородок создают из просторечия "проходной двор": побывав в нем, прибывший из деревни или нет, стремится дальше в лоно литературного языка. Просторечие – язык, пребывающий перманентно в режиме неустойчивого равновесия. Границы его не очерчены строгой линией. Они состоят из постоянно перемежающихся промежуточных слоев.

С точки зрения принятой языковедной классификации можно ли отнести просторечие русского города к одному из диалектов русского языка? Хотя и редко, кто станет теперь утверждать, что диалект является непрерывным, независимым от других развитием ядра, хоть и известно, что развитие диалекта обусловлено именно беспрерывным смешением с другими, но вряд ли можно будет расценивать просторечие как диалект.

Понятие диалекта до сих пор нельзя считать окончательно определенным. Ясно одно, что, напр(имер), совпадения подавляющего даже большинства звуковых элементов с другими диалектами не разрушают данного диалекта как обособленного единства. Диалект может заимствовать из соседних все фонетические элементы, и они, эти заимствования, не разрушат единства³⁴ до тех пор, пока цела фонологическая схема диалекта. А она поддерживается исключительно социальной, в широком смысле, обстановкой диалекта среди других. Последняя же определяет сознание говорящих, заставляющее чуждаться слияния. Исчезает сознание – исчезает диалект (Vendryès, Каринский, Зеленен). Сознание говорящих на просторечии обращено на преимущество "правильной" литературной речи. Социальная обстановка сама создает сознание временности просторечного речеведения, создает условия культурных причин необходимости просторечия и в то же время условия для освобождения от него. Просторечие – тип общего языка, создающегося на основе диалектов, но не становящегося диалектом.

Диалекты одного языка обособляются не по различию значимых структур речи (напр(имер), синтагматической системы в широком смысле) – все диалекты языка имеют некий общий субстрат, – а по различию звуковой оболочки речи, различию не принципиального характера. Вот почему все попытки провести границы между диалектами соответствовали реальной обстановке только тогда, когда опирались на различия звуковой характеристики: словарные, напр(имер), отличия диалектов не настолько закономерны и общи, как звуки, зависят от различных модусов соц(иально)-хоз(йственных) установок и не могут служить (мо(жет) б(ыть), пока не изучен механизм миграции слов) опорой классификации диалектов.

Вот почему отказ от звуковых специфик диалекта так легко создает общий язык³⁵. Там, где крупные промышленные центры образовались на основе населения великорусских диалектов, даже в окружении ино-русских диалектов (напр(имер), Одесса – Зелепецкий, 1855; Воронеж, Харьков, Ростов-на-Дону – Дикарев и др.), эффект получается однородный, и поправка привносится лишь относительно удельного веса южно- или северновеликорусского континента. При столкновении разноречных масс в городе фонологическая оболочка, столь существенная в деревне, быстро стирается в среде говорящих "по-городски" ("наречье у ней еще не применимое"). Вторичные признаки (термин Жирмунского), не противоречащие ряду составляющих диалектов (которые могли быть предметом смешения, заимствования еще в диалекте), могут быстро распространяться (отсюда влияние на лит(ературную) речь). Условием образования и развития общего языка остается, таким образом, общий субстрат

³⁴ Далее написано и зачеркнуто: *его*.

³⁵ Начальная фраза абзаца приписана над зачеркнутым предложением: *Практика образования просторечия в различных городах приводит к такому же заключению.*

значимой речи, синтагматическая система. Локальная крестьянская лексика, ненужная в городских условиях, быстро исчезает, заменяясь новым лексическим, городским фоном, а различие общих диалектических слов житейского обихода создает обширную синонимику (ср. ѣсть, пить и под.). Усвоение городской лексики связано с вопросом о переходе в просторечие слов из арго для повседневного употребления. (Общ(ий) яз(ык): 1) из смеш(ения) диалектов, 2) на осн(ове) одного диалекта [Vendryès])³⁶.

Столкновение с устными и письменными формами литературной речи вносит новый момент в организацию просторечия. Оно³⁷ вызывает возможность различения в языковой структуре просторечия двух основных структурных признаков. При общем фонетическом сходстве обоих общих языков, при сходной структуре морфологической и отчасти³⁸ лексической просторечие, являясь компромиссной формой диалектического речеведения, обладает иной системой орфоэпии, иной локализацией морфологических и лексических элементов. В основе здесь – естественная эволюция, без сдерживающих начал, орфографических традиций, консервирующих³⁹ литературный язык. Эти элементы, являясь как бы заранее заданными просторечию, можно назвать выделяющими признаками просторечия. С другой стороны, специфические условия городской жизни, новые понятия, входящие в сознание бесконечной чередой, новые формы быта, при постоянном воздействии литературной речи на фоне диалектического субстрата создают особые типы семантических рядов, устойчивые формы речи, соответствующие трафаретам форм бытовых сношений⁴⁰. Эти явления, возникающие на основе скрещения диалектического субстрата с литературной речью, можно назвать конститутивными признаками просторечия.

Представление об отсутствии точно фиксированных границ просторечия объясняется не только крайней текучестью носителей его. Оно изменяется, варьируется не только от человека к человеку, условия выражения, обстановка произнесения накладывает на просторечие этот отпечаток. Удельный вес каждого из сочетающихся элементов и удельный вес целого⁴¹ оценивается жанровой обусловленностью и целевой установкой речи. Сочетание элементов, различное в товарищеском или домашнем диалоге, в речи с трибуны, в письменном оформлении (письма домашнего или рабковского или рабковской записки), в речи обдуманной или произвольно текущей, между собой или с "образованным" человеком. Изучение привязанности форм речи к бытовым шаблонам требует еще большой работы.

На путях жанровых разновидностей происходит стык или разъединение с различными жанрами разговорно-литературной речи, легко сбивающимися с дороги литературной речи, особенно, когда основа деления лежит в выборе слов (Meillet, рец(ензия) на Bache).

(В тесной связи с высказанным стоит вопрос о факторах эволюции языка и, в частности, литературного. Не в приведенных в систему ошибках индивидуального произношения, индивидуальной психологии, а в скрещении диалектов, в смешении и смещении основ общих языков скрыты они. Но это уже предмет для особого рассуждения)⁴².

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТОРЕЧИЯ

§ 6. (Офоэпия просторечия)⁴³.

Просторечие, элиминирующее постоянно фонологические отличия диалектов, в

³⁶ Фраза, заключенная автором в круглые скобки, приписана простым карандашом.

³⁷ Первоначально предложение открывалось словами: *Столкновение с литературным языком.*

³⁸ Слово приписано над строкой.

³⁹ Написано над зачеркнутым словом *сдерживающих*.

⁴⁰ Далее концовка фразы зачеркнута: *в особенности в типах словообразования.*

⁴¹ Далее написано и зачеркнуто: *обуславливается.*

⁴² Фрагмент, заключенный нами в угловые скобки, зачеркнут в автографе.

⁴³ Заглавие параграфа зачеркнуто в автографе.

общем своем звуковом строе хотя и⁴⁴ приближается к литературному языку, но обладает рядом особенностей, которые⁴⁵ выделяют его в особую орфоэпическую систему. Просторечие – язык устный, разговорный, не защищенный литературно-графическими ассоциациями и свободно текущий по⁴⁶ физиологической инерции произношения. Ряд этих орфоэпических особенностей свойствен и многим диалектам, но они настолько общи и в принципе не противоречивы тенденциям лит(ературного) языка, что познаются вне связи с диалектами. Формы разговора быстрого и отрывочного в привычных сочетаниях и словах усиливают⁴⁷ физиологическую инерцию произношения. Сюда относятся:

1) Упрощение групп согласных. Так, рядом с узаконенным литературным произношением *стн, здн* как *сн, зн*: *грусный, позна*, просторечию свойственны:

– упрощение группы *стк* в *ск*: *очиска, повеска*,

где в *д*: *вседа, тада, када*,

льк в *к*: *токо, скоко*,

зв в *з*: *разе*;

– отпадение конечного при⁴⁸ закрытом слоге *т, т'* в группе *ст*: *путь, тобсь, бох вёсь, счастье, радость, грусь, жись, рос (=рост), дас (=даст)*;

– отпадение конечного плавного: *рунь, корань* и, наоборот, развитие нового слога: *рубель, корабель, жизнь*;

– исчезновение *і* и *ї* в косвенных падежах прилагательных на *-ий*: *третему, козей, верблюжей шерсти*; в безличных глаголах: *думацца мне* (ср. как *видицца*). Брок: *ї* слышно в речи медленной, ясной, оно сущ(ествует) психологически, а физ(ически) исчезло.

Сокращение слогов в слове за счет безударных, главным образом, первого за ударением, слогов: *всётки, обратень, передеть, сичас (сьчас), прям*⁴⁹; в категории глаголов на *-ова-, -ыва-*: *использовать, утрамбоввать*.

Изменение фонетического облика часто употребляемого слова, сохраняющее лишь опорные для смысла слова звуки: *всамдели, нукиштот, тыцца, одинцать, пядесят, здрасть, хоть, слышь*; в глаголах на *-ова-*: *пажертвала*.

2) Широкая ассимиляция соседних звуков:

дн > нн: онним словом, нно, онно, менный;

шс > с: муской, рйской, завблской;

шс > сс в глаголах 2 л. ед. {ч.} наст. {вр.}: *возисся, бреея*, с дальнейшей диссимиляцией *сс > с'т'*: *радуисьтя*;

вс > с: нарский, лермантаский;

дс – тс > с: послествие.

Вторичные диалектические признаки, не встречающие противоречия в разнодиалектной среде, расширяются и на говоривших ранее диалектах, где таких элементов не было: отверждение конечных губных: *кроф, сем*; отверждение конечного *с* в глаголах: *садис, не плачтес*, смешение *ти – ки*: *почки*; преимущественно твердые заднеязычные в окончаниях прилагательных и суффиксах глаголов на *-ыва*; мягкое *р*: *верьх, четьверьк*, обычные в диалектах: *отстрочка, страмница*.

Усвоенные в городе слова часто подвергаются переводу на родное произношение; так, *ё* по ударением переходит в *о* независимо от условий, которые сохраняют в

⁴⁴ Хотя и приписано над строкой.

⁴⁵ Далее написано и зачеркнуто: *структурно*.

⁴⁶ Предлог приписан над строкой. После него в тексте написано и зачеркнуто: *от толчков*.

⁴⁷ Написано над зачеркнутыми словами *лежат в основе*.

⁴⁸ Это и последующие два слова приписаны над строкой.

⁴⁹ Слово приписано над строкой.

лит(ературном) языке в этих случаях *е*: *шлём, склём, опёка, пёрл, совершённый вид, одежда*⁵⁰, *ёр, смирённый вид, почтённый человек*. Близко к этому место ударения причастий кратких стр(адательного) зал(ога): *разделёно, применёно, сварён*.

В условиях соприкосновения с литературным языком возникают произношения на "образованный" лад: *подчерк, надсмешка, отставил (=оставил), подовторить*⁵¹, *впротчем, протчию, притчина, промежду прочим, приставление (=представление), представиться (=умереть), обнаковенно, унистожить*. Контаминация: *неподсильный труд*.

§ 7. Произношение так наз(ываемых) иностранных слов подчиняется общей системе произношения в просторечии.

1) Во всяком слове, попавшем в просторечие, *е* смягчает предшествующий согласный: *пеньсьне, шт'емпель, т'ест*.

2) Сочетание *мб, мв* переходит в *нб, нв*: *бонба, плонба, тунба, транвай, транбовать*⁵².

3) Диссимиляция двойных, долгих согласных: *кастир*, откуда *касция*.

4) Диссимиляция плавных, ср.: *пролубь*⁵³, *кульер, дилехтор, колидор, леворвер (левольвёрт), лаболатория*. [Источн(ик) – франц(узское) простореч(ие)].

5) Производные слова от иностранных по типу: *юпка – юпочка, флак – флачки, парат – паратная*.

6) Мена *ти – ки*: *пакént*.

7) Усвоение произношения путем звукопроизводства графических начертаний дает сочетания *ио* вместо *йо*: *почталион, компанион, проспект Маиорова, раион*, откуда *рион*.

8) Нар(одная) этимологизация: *портмонет, палихмастер, протяжи*.

9) "Образованное" произношение (ср.: *талант – талан бесталанный*): *конверт*⁵⁴, *крант, рентгеновские лучи, галандър*⁵⁵, *автомобус, экзамент, леворвёрт, инциндент, константировать, пумазья, плацформа, резетка, квартера, барковать*.

10) Усвоение слова с воспроизведением лишь его опорных, значимых звуков: *патрёт, крикатура, исплатация, струмент, бранзбой*.

§ 8. Отличия от литературного языка в ударениях отдельных слов, общих с лит(ературным) языком, многообразны и, вследствие недостатка материала, представляются иногда индивидуальными, не вкладывающимися в систему⁵⁶.

1) Усвоение из традиции мещанских говоров, восходящей к старому лит(ературному) языку или иногда к диалектам: *климáт, мага́зин, ненависть, случáй, деятельный, наверно́е*.

2) Диалектическая акцентуация литературных слов: *исходно́й пункт, средства́, складско́й, стильно́й*.

3) Перенос ударения в многосложных словах для⁵⁷ облегчения произн(ошения): *намерёнье, ходатайствовать, милості́вец, недбо́смотр, шахма́ты*.

4) Ю(го)-зап(адная) традиция: *молоде́жь, предме́т, предло́жил*.

5) "Образованное" произношение: *президиу́м, плену́м, дерви́ш-дервишу́*.

6) Отождествление в одном ударении разных по значению слов: *географический атла́с* (ср.: *атла́с – материал*), *кондукто́р, -ша*⁵⁸.

⁵⁰ Слово приписано карандашом и помещено в автографе в круглые скобки.

⁵¹ Слово приписано над строкой.

⁵² Слово приписано простым карандашом.

⁵³ Слово приписано над строкой.

⁵⁴ Слово приписано над строкой.

⁵⁵ Это и следующие слова приписаны над строкой.

⁵⁶ Конечное слово фразы зачеркнуто: *объяснения*.

⁵⁷ Это и последующие два слова приписаны над строкой.

⁵⁸ Слова приписаны над строкой.

7) Перенос ударения на второй от конца слог (по-видимому, под влиянием туземных акцентных отношений): *кило́метр, кварта́л, проце́нт, портфе́ль, шо́фер, па́ртер, бю́ро, доку́мент, инстру́мент* (но: *струме́нт*).

8) Усвоение из непосредственного источника (моряками), не совпадающего с традиционным лит(ературным) произношением: *долла́р*.

§ 9. В области склонения и спряжения просторечие⁵⁹ находится всегда в исканиях универсальных форм. Аналогические образования, не стесняемые литературными – графическими традициями захватывают все маложиизненные формы. Выработка нормы задерживается тем, что, хотя стремление к унификации и <обще> всем диалектам, сталкивающимся в городе, но пути этой унификации не едины и тем острее борьба и пестрее сочетание аналогизируемых форм.

Копределившись тенденциям в области склонения существительных можно отнести:

1) Образование им. мн. на -а в том случае, если сущ. муж. р. в род. ед. имеет ударение на основе, а в косвенных падежах мн. ч. на окончании: *выгонá* (кн(и)га) Воло-севича, Ист. ВКИ⁶⁰), *на скла́дах, спосо́ба, догово́ра, выхо́да, очере́дя, инжене́ра* (ср.: *профессо́ра, офице́ра, директо́ра, лекто́ра, гроба́, трие́ра* (и *трие́ры*), *трие́ры на хо́да и сани* (Известия ЦИК), *разви́вают свои́ молодые́ мозги́* (рабкор), *рази́, приго-во́ра, цеха́, секто́ра, дизеля́, тракто́ра*, но и *спе́цы*, хотя *спецо́в, спеца́м* (Николич -а у торговцев). Ударение же не на конце в им. мн. ср. р. дает по преимуществу ок(онча-ние) -ы: *лицы́, ве́дры*.

2) Род. мн. м. р. на -ов: *разо́в, макарóнов, сапого́в, яблоков, солдатoв*.

3) Тв. мн. на -ам: *за маши́нам, бываю́т пьяные́ с дли́нными́ рука́м*.

4) Тв. мн. на -ям(и) вм(есто) -ьми: *дверя́ми, лю́дьми, дете́ями (детя́м), матеря́м*.

5) Род. ед. от сущ. ж. р. на -а с -е вм(есто) -ы: *от сестре́, с право́й сторо́не, в нача́ле учо́би, основа́ния его́ филосо́фской систе́ми*.

6) Дат. ед. с -ы вм(есто) -е: *к сестры́, привле́чь к рабо́ты, но ново́й литерату́ры*.

7) Местн. ед. с -ы (-и) вм(есто) -е: *в Москвы́, в реки́, в сво́ей внутре́нней стру́ктуры́*.

8) Род. ед. от сущ. м. р. на -у вм(есто) -а: *от уга́ру* (см. Обнорский).

9) Переход в другой тип склонения: *дитя́ = дитё́*. Потеря склонения слов на -мя: *ско́ко вре́мя, нет вре́мя*. Употребление в склоняемых формах таких слов, как *завтра́: к завтра́му, до завтра́ва*.

10) Подчинение иностранных слов господствующим типам склонения (ср. у Кудрявского: *бенки – бинок – бинок(и?)*): *три́ка* (род. ед.), *в машинка́х и деко́льтах, а мы́ в худо́х пальта́х*.

§ 10. 1) В склонении прилагательных – уподобление местн. п. ср. и м. р. ед. ч. творительному: *на Невски́м, в друго́м конце́, на Забалки́м, на э́тим, в оди́м то́лько оши́бка*; а творит. мн. – дательному: *широ́кам ули́цам*.

2) Образование местоименных прилагательных по образцу прилагательных член-ных: *одна́я, теи́, тую́, тых, ево́ный, ихний*.

3) 3 л. мн. в форме *оны́ и оне́; одне́, откуда́ одне́м сло́вом*.

4) *Чево́* в знач(ении) вин. и им. *что́: ты́ чево́ дела́ешь, смотре́-ка чево́ я купи́ла*.

5) Вин.⁶¹ и род. ед. *ей́(=её́), у ней́(=у неё́)*; *косв(енные́)* падежи без приставоч-н(ого) *н-; с́ жи́м, у́ же́го*.

6) Количественные слова теряют склонение при положении в составе названия⁶² сложного числа: в размере *двеси́* восьми рублей, *находи́ться в шессы́х* трех верстах; уподобляются в падеже следующему склоняемому слову: *сорока́м лоша́дям*.

⁵⁹ Далее написано и зачеркнуто: *переживает*.

⁶⁰ Так в тексте ркп. Запись аббревиатуры неразборчива.

⁶¹ Слово приписано над строкой.

⁶² Слово приписано над строкой.

§ 11. 1) В спряжении глаголов – переход к производительным типам спрягаемых глаголов: *махаяю, щипаю (щиплю), полоскаю (полощу), клеветаешь (=клевецешь)*, но с сохранением активных слов: *пуццай, не допуццай; ездю, одию*.

2) Смешение в безударном положении I и II спряжения в 3 л. мн. наст. вр.: *рубют, любят*.

3) Уподобление глаголам II спряжения форм с л после губных: *сытншь, сытют*.

4) Формы пов. накл. при безударном окончании: *покажь-ка, выдь, едь*.

5) Уподобление основ: *хочешь – хочут, хотим – хотит, пекешь и пр., бегли, прибёг*.

6) Уподобление инфинитивов: *обойтицца, пройтицца* по образцу *хочецца, стремицца*.

Уподобление производительным типам склонения, спряжения подвергаются прежде всего активные, чаще употребляемые слова. Более редкие могут употребляться в прежних формах. Но, с другой стороны, действию аналогии могут не подвергнуться слова по своему фразеологическому значению, выпадающие из системы склонения – спряжения, напр.: *пуццай*.

§ 12. К числу признаков резко выделяющих относится употребление и управление предлогов. И особенности основываются, с одной стороны, на общих диалектических привычках, с другой стороны, представляют расширение функций их по сравнению с существующими в разг(оворно)-лит(ературной) речи. К последним относятся, напр., *про* вм(есто) *о*, *об* во всяких положениях и сходный *насчет*, заменяющий *о*, *об*, *по поводу*.

1) С в зн(ачении) *из*: *кто захочет с наших товарищей..., со школы, с вагона, иду с клуба, с него будет толк, вырвать с рук*; ср.: *из детских рук* (Успенск(ий)). Речь быв. человека), *из лица хорош*.

2) С в зн(ачении) *от*: *с рыбы болит живот, с нашего союза ожидать добра как с быка молока; с Волги до Урала* (Грамматика Земского и Крючкова), *с Либединского* можно требовать большей лит(ературной?) выработки; ср.: *от лица* отличная красавица.

3) С с род. п. вм(есто) *сущ.* в тв. п.: *он с этого живет, он с дому живет, каков с лица, с этих слов закрывается пьеса*.

4) Часто *между* с род. п. вм(есто) *тв.*: *между рабкоров*.

5) *На* в зн(ачении) *в*: *на трамвае, на коридоре*; откуда и *жить на деревне, на селе*; из эллиптического употребления *на бюро* (на засед(ании)), *на активе, на коллективе*, откуда: *на вечернюю школу ходить не буду*.

6) *Благодаря* с род. п. вм(есто) *дат.*: *благодаря сестер, вопреки отца*.

7) *Через* в зн(ачении) 1) *из-за*: *через твою шутку пострадал, через тебя уехала*; 2) *посредством*: *через это* только и можно улучшить урожай.

8) *Против* в зн(ачении) *по сравнению с*: *высшая дистанция против уезда; у нас низкая урожайность против других стран*.

9) *По сравнению* вместо *по сравнению с*: *низкая урожайность по сравнению других государств*.

§ 13. Фонетика, склонение и спряжение из области морфологии являются твердыми берегами, от которых легко отталкиваться при изучении смешанного языка. Уже переход в область словообразования сулит целый ряд сомнений. Предполагая все же общерусский субстрат в системе словообразования и отправляясь от достаточно все-таки изученной системы литературного языка, – о целом ряде явлений невозможно сказать: являются ли они порождением просторечия, языковой жизни города или в них нужно видеть отражения до-городского периода, отражения словообразования, существовавшего еще в диалектах.

⁶³Некоторые формы выражения грамматических категорий являются отражением отношений, свойственных, по-видимому, большинству диалектов. Такова судьба категории рода; в просторечии – пестрая картина в сравнении с лит(ературным) языком, так *за́мён* *вм(есто)* *замена*, *ре́льса* *вм(есто)* *рельс* и т.п. (см. Обнорский).

Для суждения о нормах словообразования внутри просторечия требуются более обширные материалы (+ восполнение почти отсутствующих данных о диалектах). Я перечислю здесь типы наиболее часто встречаемых образований.

1) Уменьшительные существительные образуются или посредством обычных уменьшительных суффиксов, или употреблением разрядов слов, в которых заложено соответствующее эмоциональное содержание. Они выражают вежливое⁶⁴ отношение, тонкое обращение: *Оля! Каких на ваш взглядик? [яблок], а я одинокий, у меня папаша больной был!* (вообще отца называют *батя*, *батька*); или для выражения дружеской укоризны: *разговорчики опять!*, *инициативки было маловато*, смягчения: *ринуться в бой с произв(одственными) неполадками*; извиняющегося тона: *ошибочка вышла*.

2) Образование слов на *-ость* для образования всяких родов отвлеченных значений и связанных с ними конкретных: *усвояемость* (в знач(ении) процесса: *усвоение*), *успеваемость* (в зн(ачении) *успехи*), *социальность* (в зн(ачении) *социальное положение*). Свобода в выборе активн(ых) суффиксов вообще: *задавленник* (ср.: *удавленник*), *мимолетных слов*.

3) Слова, по форме причастия, усваются просторечием как прилагательные. Разрешение категории причастия свойственно большинству диалектов. Ср. переход прич. прош. вр. стр. на *-ный* в прилагательное с ударением на суффикс: *переменённый*, *завалённый* и т.п.

Причастия, сохраняя свою форму, теряют глагольное управление и становятся согласуемыми прилагательными: *занимаемые нами парты начинают пустеть*.

Краткие причастия страдат(ельные) в составном сказуемом принимают форму по образцу прилагательных: *сотни революционеров были повешенные и расстреленные, он сюда был командированный, у меня голова уже не тем забитая* (по образцу: *она была больная*).

Окончание прич(астий) наст. вр. (на) *=иций* в просторечии является лишь суффиксом прилагательных, ср., напр., в образованиях с основой глагола на *-ся*: *нуждающий*, *интересующий* (подписи), *трудолюбый*, *гуляющий*, *иляющий*, *выдающие яблоки*.

Разрушением же категории причастия объясняются образования прилагательных с любым, безразлично, суффиксом причастий: *порватый* и *сшивать* *порвавшие машинные ремни*, *заикатый* (=заикающийся), *запоздалый* (*вм(есто)* *запоздавший*), *лопнутый*, *трудолюбимый* и пр. Присвоение причастиям⁶⁵ суффиксов прилагательных: *заплаточный* (*вм(есто)* *заплатанный*), *сортировочные семена* (*вм(есто)* *сортированные*), *нерасположительные лица* (*вм(есто)* *нерасположенные*).

4) По аналогии с глаголами на *-ся*, обозначающими (внутр.) деятельность, состояния, образуются от глаголов среднего залога (неперех.) глаголы с *-ся*: *обещаться*, *спориться*, *обитаюсь*, *расходоватьсь*.

5) Глаголы *видать*, *слыхать* в безличном значении *видно*, *слышно*.

6) Образование несов. (вида) многокр(атных) глаголов на *-ать* *вм(есто)* *=ывать*: *докладать*, *учитать*, *раскладать*, *втискать*, *прикладает все усилия*; в сов. (виде) *-ать* *вм(есто)* *-еть*: *обеднять*, *похудать*.

⁶³ Абзац начинался незаконченным предложением (зачеркнуто автором): *Так, можно с уверенностью сказать.*

⁶⁴ Далее написано и зачеркнуто: *вежливое обращение.*

⁶⁵ Приписано над зачеркнутым словом *прилагательным*.

разоряться; *входить в зазор*: залунаться; *озорничать, делать что-и(и)будь* не всерьез: бунить, волынить, филониться, трепаться, барахлить; *задевать в разговоре*: затрагивать; *возмущаться, сердиться (ирон.)*: расширяться, расстраиваться.

§ 16. Обилие синонимов узаконивается стилистическими потребностями⁷³. Каждый раз употребление⁷⁴ того, а не другого слова зависит от жанра речеведения: выбор их в зависимости от этого то приближается к литературному, то, с точки зрения литер(атурного) языка, становится неприличным. Это в области обиходной житейской речевой практики. (Здесь просторечие резко отделяется от лексического наследия "мещанских" говоров)⁷⁵.

Еще более осложняется⁷⁶ лексическая характеристика современного просторечия присутствием лексики, возникшей в период революции и общей с литературным языком. Здесь я остановлюсь только на вопросе о том, что заключается для просторечия в понятии иностранного слова.

Навряд ли можно говорить об ощущении в просторечии иностранного в том смысле, в каком оно существует для литературного языка – (иностранн(ое)). Для ощущения иностранности слова необходим билингвизм, ориентация на него. В просторечии иностранные слова-термины и не термины⁷⁷ претерпевают ту же судьбу, что и чуждые слова⁷⁸ литературного языка. Слово-термин всегда соотносится в просторечии с вещью. Неясность, неопределенность или непонятность предмета влекут за собой и соответствующее отношение к слову. Оно чуждо и непонятно и в этом смысле иностранно. Обратн(о) наз(ываемые) иностранные слова при ясности и понятности предмета, безотносительно к этимологическому составу слова, расцениваются как непосредственно входящие в общий состав своей речи⁷⁹. [Ср.: Ушаков – не всегда и ин(остранное) слово кажется иностр(анным). Это хорошо, у кого рука есть или попросту, по-рус(ски) сказать, протекция]. (Ср.: автобус – автомобус⁸⁰, коммунист = объяснение: иностр(анные) слова – слова не советские). Таким образом, для просторечия может быть поставлена проблема понимания⁸¹ слов, не соотносимых с предметом. Семантическая судьба иностр(анных) слов сходна с судьбой чуждых литературных: вне контекста, вне круга родственных слов, вне знания⁸² условий употребления они получают ограниченное значение, становятся ярлыком предмета ("Халтуришь почем зря! Исплатируешь⁸³, чорт!" – обращаясь к нищему, сердитый пьяный). Другой случай – употребление иностранного слова без знания его значения вместо сходного по звукам своего слова ("образованная" речь) – проблема в зн(ачении) пробел.

§ 17. Наиболее характерными для языковой системы просторечия являются семантико-синтаксические отношения (признаки конститутивные). На путях столк-

⁷³ Начальная фраза абзаца приписана простым карандашом над зачеркнутой: *Лексический состав просторечия очень пёстр не только по количеству, но и по функции слов из синонимических групп.*

⁷⁴ Далее написано и зачеркнуто их, последующие несколько слов приписаны над строкой простым карандашом.

⁷⁵ Фраза, заключенная нами в угловые скобки, зачеркнута в автографе.

⁷⁶ Слово приписано над строкой простым карандашом над зачеркнутым: *изменяется.*

⁷⁷ Далее написано и зачеркнуто: *и слова.*

⁷⁸ Далее написано и зачеркнуто: *иностранные.*

⁷⁹ После слова помещен знак сноски, и внизу страницы дается ссылка на Д.Н. Ушакова (мы ее поместили в текст в квадратных скобках).

⁸⁰ Над этой парой приписано карандашом: *вещные ряды: извозчик.*

⁸¹ Слово приписано над строкой.

⁸² Слово приписано над строкой.

⁸³ Сверху над словом приписано простым карандашом: *эксп(луатируют)=выжимать соки.*

новения с литературным языком смещаются диалектные основы, перерождаясь на литературном фоне. Происходит приспособление литературных значений,⁸⁴ деформация синтаксических оборотов и фразеологии. Остановлюсь на некоторых явлениях.

1) В словообороте эпохи в известных жанрах литературного языка⁸⁵ (публицистика, газета, ораторская политическая речь и пр.) откладываются слова, получающие активную роль в выражении известного круга понятий. Усваиваясь просторечием для пользования в своей обиходной речи, они, вырванные из привычной сферы употребления, теряют свой тесный предметный смысл, становятся многозначны и расплывчаты, делаются знаком⁸⁶ для выражения, по тем или иным ассоциациям⁸⁷, соприкасающихся ситуаций, ср.: *делать*: (*Отсев слушателей большой; в конце года не отсеивали; не ходит, его бы нужно было уже отсеять, да...*)⁸⁸ *изживать* сусликов с поля; поручено ей было узнать, но она ничего не *проделала*; сидели на одной парте и стали *договариваться* на уроке; почему не всегда посещают педагоги *означенную* (=нашу) школу; не интересуются *данным* (=этим) порядком; она не *выявляла*, чего хочет; могли бы *охватить* нашу шк(ольную) жизнь; притти, *засняться* и уйти; я *первый зачинаю* рассказ.

2) Активные слова давят на словоупотребление обыденной речи, особенно у людей стремящихся говорить правильно, литературно. Под свое слово, привычное, подставляется ходкое литературное слово (близкое по смыслу) с сохранением значения, присущего субстрату: *запретили в корне* (=совсем) *читать*; *в этот период, в период* (=вовремя) *нашей перемены*; было вывешено объявление о *запрещении* такого явления (=этого); *сегодня то явление было* (=было то); *которые же факты* (=явления) *не изжиты*; *тут другие* (=некотор(ые)) *слова правильно поставлены*⁸⁹; *соединять по две группы в одно занятие* (=урок); *да я сознаю* (=понимаю), конечно; на крепостнической фабрике; к подбору преп. составов (=преподавателей) *надо подходить*; *намечайте своих кандидатов* (=кандидатов).

3) Употребление слова по признаку экспрессивной выразительности, без соответствия с обычным контекстом лит(ературного) языка, причем выбор определяется лишь побочными эмоциональными ореолами, принадлежащими слову: *Дети находились в неблагоприятных условиях*; *работали по 17 часов*; *режим экономии весьма благоприятная вещь*; *вышеупомянутый поступок носит очень ожесточенный характер*; здесь *симпатично* сидеть, понимаешь ли; совсем *обеспечил* человека (обескуражил), (рассадил по *следующим* партам)⁹⁰, не мешает здоровому делу маленько *соблюсти* (=навести) там порядок, (я сначала не врал, только *впоследствии* (=потом) *попутал*)⁹¹, *работают по 17 ч(асов)*, *переносят все негодования* (=невзгоды).

4) В условиях бытового, иногда⁹² затрудненного монолога образуются слова со стершимся предметным значением, пустышки, которые служат как бы пружинами, проталкивающими речь по нужному пути: (*объясняется текучестью, понимаете, состава*)⁹³; *свою я, лично, знаю* (смену); *стали, как говорится, в школу ходить*; (*я, значит, говорю*); (*вы верно отлежали, вот в таком роде*); *вечер небольшой, много,*

⁸⁴ Далее написано и зачеркнуто: недоосмысление литературных значений.

⁸⁵ Далее написано и жирно зачеркнуто слово (запись неразборчивая).

⁸⁶ Сверху приписано: обобщенный "предм." Смысл.

⁸⁷ Сверху приписано простым карандашом: покрывший.

⁸⁸ Фраза заключена в круглые скобки. Сверху приписано: к п. 2.

⁸⁹ Фраза заключена в квадратные скобки. Вероятно, автор намеревался ее включить в другой пункт.

⁹⁰ Фраза заключена в круглые скобки. Вероятно, как и следующий фрагмент, автор хотел перенести в п. 2.

⁹¹ Фраза заключена в круглые скобки. Сверху приписано: к (п.) 2.

⁹² Это и следующее слова приписаны над строкой.

⁹³ Здесь и далее фразы заключены автором в круглые скобки.

примерно, не даст; это, безусловно, не удалось; я, между прочим, скверно читаю; женщины, то же самое, ходят; и мне, то же самое, замечание сделал; распоряжаться здесь, то же самое, дело трудное; мне хочется, главно дело, близко.

5) Процесс овладения литературной речью создает тип скрещенных слов (и застывших выражений). Сцепление более близкого и понятного слова с литературным того же значения⁹⁴ создает слово более выразительное, эмоционально более насыщенное, напр.: необходимо надо; необходимо нужно; спешу скорей; мы, рабочий пролетариат, должен учиться; старик весьма был больно рад; коса отличная хороша; совершенно конечно трудно; рабочим доставалось очень трудно; взять в руки под дисциплину рабочей школы; работа проводится в полном разгаре; то во время, когда кино; хорошо, если не более в период этого времени; ничего не знаю, мне надо фактически билет на лицо.

6) Литературный язык обладает богатым ассортиментом фразеологических сращений разного типа – застывшие выражения, привычные сцепления, обороты, – имеющих точно очерченный круг употребления. Приобщение к этому фразеологическому⁹⁵ богатству вызывает в просторечии два основных явления. Фразеологическое сращение воспринимается⁹⁶ в его лит(ературном) значении⁹⁷, но в деформированном виде: опорное, центральное слово (сочетание) остается, а другая часть заменяется словом (сочетанием) более близким, привычным: обеспечит вопрос (=дело), совершенно правильно(=верно), голосу не отдавал (=подавал), беру вину (=принимаю), таким образом (=образом), что даст большую роль в подняттии (=играет), играет значение (=роль, =имеет), выпей для компании (=за), он как сказать забыл (=так), факт на виду (=лицо), при царском времени (=режиме), дал замечание, дал выговор (=сделал), взять во внимание (=принять), не хватает другой раз (=иной), безалаберная трата наших энергий (=сил), контр-буржуазная двадцатка, применять все усилия (=прилагать).

7) Второй тип деформации – сохранение опорного члена сращения и опущение менее значимого обычно в устной, диалогической речи: навряд (ли), производить как больше очищение семян, вы согласители в большинстве (б(ольшинств)во из вас с(оглашают)ся), покупает теперь в большинстве рабочий (=случаев), во что бы ни стало (то), повидимо (му), хотя в частности (-бы), накладывали не по существу штраф, купить бы кошке какова барахла (-нибудь), задает какие вопросы (-ниб(удь)), можно ли оттуда писать какие заметки (-ниб(удь)), приезжайте к нам когда (-ниб(удь)).

Подобно активным словам, фразеологические сращения часто вклиниваются в речь для придания большей выразительности. В просторечии круг их употребления расширяется⁹⁸, теряя связь с обычными их функциями в лит(ературном) языке: приложить активное участие, торгаш чувствует себя единственным хозяином положения, силой административн(ого) порядка вывести нагами на пос(и...)⁹⁹ оскорбления личности, хватать..., даст большой режим экономии в топливе, начал жить по новому быту, мало прижимали кулачество общественным воздействием, нахожусь в материальном положении батрака, в какую положительную сторону оно будет направлено, подвергались дурному обращению.

⁹⁴ Далее написано и зачеркнуто: даст.

⁹⁵ Слово приписано над строкой.

⁹⁶ Далее написано и зачеркнуто: целиком как средство выражения.

⁹⁷ Это и предшествующие несколько слов приписаны над строкой простым карандашом.

⁹⁸ Сверху над словом приписано простым карандашом: по (следующее слово записано неразборчиво. – О.Н.) ассоциациям общности.

⁹⁹ Окончание слова написано неразборчиво.

§ 18. Отличия от литературного языка в области управления глаголов основываются также¹⁰⁰ на уже упомянутых семантических свойствах просторечия: постановка своего¹⁰¹ значения (и управления) в литературное слово.

Доказать на кого (=показать, дать показание).

Не препятствуй меня (=не задерживай).

Он может купить все принадлежности, кот(орые) ему касаются в жизни (=нужны).

Меня начинают многоземельные угрожать (=стращать).

Неужели мы для этой цели стремились? (=боролись).

Тогда мало приходится взыскивать на него (=класть вину).

Обсуждали о неправильных (=говорили).

Преследовать свою целью (=поставить).

Проникать что (вм(есто) во что; =пропитывать собою).

Слух побудил всю белую кость (=разбудил).

Заявить свое недовольство (=претензию).

Я вам предупреждаю последний раз (=говорю; кондукт(ор)).

Он не мог интересоваться с простым народом (=иметь дело, сообщаться).

§ 19. В основе синтаксического строя просторечия лежат навыки речи, принесенные из диалектов. Характерны, как выделяющие, типы повествовательных предложений с ф(ункциями) д(ействи)я вместо личного глагола (*была не окрепиши, он выпивши*), в безличных предложениях *вм(есто) прил. стр. кр. (пять классов было прошедчи)*, деепричастие от гл. на -ся без -ся (*как лучшие, застегнувши или расстегнувши?*) и т.п. Формула *не знаю как* знак вопросит(ельно)-уступит(ельного) предложения: *не знаю правда, не знаю нет; пришли не знаю учиться или время провести; не знай тебе сказать, не знай нет*.

Для характеристики просторечия интереснее словосочетания и предложения, возникающие на фоне общения с литературной речью, и формы усвоения лит(ературных) конструкций. Здесь проявляется та¹⁰² же общая тенденция просторечия к унификации, к сохранению лишь сигнальных знаков сочетаний и к ощущению нейтральных, с точки зрения значения, членов.

1) Предл(ожение) с *так как* (союз прид.) – с союзом *как*: *Беру вину на редколлегию, как сам в ней состою; Как я неграмотный, я не могу; и как я живу в Ленинграде, то; но крестьяне как их сердца чувствовали смирение и поили...*

2) Предл(ожение) с *так* (гл. кр.)¹⁰³, *как* (прид.) = *как*: *Да и сидит-то он не как остальные, а...*

3) *Вм(есто) кроме того, что* – *кроме как*: *Ничего не делает кроме как ходит по заводу.*

4) *Которые* в главн(ом) предл(ожении) *вм(есто) те, которые*: *Которые лица уже не ходят, а у них...; Для чего деньги потратили которые интересуются.*

5) *Между прочим* *вм(есто) между тем*: *Много бы хорошо получили, а между прочим ничего не делал; У нас 42 комсомольца, но между прочим комсом(ольской) среды не видно.*

6) В сложных типах сцепления предложений *вместо того, чтобы*: *Вместо чем помочь ты...; что кас(ается) того, чтобы*: *Что касается пользоваться ихними кабинетами...; глагол, что*: *Я говорил, в бутылку загоним; а также и*: *Падает посещаемость слушателей также и педагогов.*

7) Сложное слово предложения: *Не стал заниматься ввиду маложелающих.*

¹⁰⁰ Слово приписано над строкой.

¹⁰¹ Слово приписано над строкой.

¹⁰² Это и следующее слова приписаны над строкой.

¹⁰³ Такое сокращение в тексте ркп.

Активные типы предложений из газеты, ораторской речи переходят в бытовой оборот, становясь нормальным типом предложения – *это: Основной тормоз это отсутствие средств*; и расширяясь в обращении: *Плохая сторона это то, что...*; *Прямая речь это когда; Четырнадцатый это куда идет?*

Как трамплин для перехода к новому обороту мыслей, употребляются *если взять, взять, возьмем; мое бы предложение*.

На фоне литературных заимствований вырастают предложения оригинальные¹⁰⁴, причем выбор останавливается на наиболее привычных знаках. Как является сигналом разных значений. Если он в придаточном предложении, то получает значение *когда*: *Как Ленин приехал (...), у населения стало мнение...* Если в словосочетании, то в зн(ачении) *чем*: *Не хуже как в старую голодовку; обращались не лучше как с ним*. Стремление к "образованному" правильному обращению вызывает усложненные обороты (контаминации)¹⁰⁵: *как за вм(есто) за с род. п. (сочли его как за бандита); вм(есто) тв. п. (стенгаз(ета) будет нам служить как за рупор; как и не я вм(есто) как я (он такого же как и не я расту) (см. Чернышов); опять же вм(есто) и: а принялся я за общество, опять же за географию – сразу понял все. Затем (зато)... что вм(есто) потому... что*.

Монологическая форма речи в лит(ературно)-разгов(орном) языке в идеале¹⁰⁶ ориентируется на книжное построение, и степень совершенности ее зависит от степени владения данной языковой культурой. В обход этих типов речи в просторечии создается монологическая речь, построенная на формах диалогической.

Из вопросно-ответной формы:

А почему я вам скажу, потому что не за свое взялся;

Сегодня поеду, а почему, потому что завтра не ехать на службу;

А почему я не видела, потому что некада.

Проблема косвенной и прямой речи тесно связана с организацией монологической формы. Легче воспроизвести сказанное, чем придать ему новую конструкцию¹⁰⁷, тем более, что разговорная речь всегда имеет тенденцию течь только по значимым величинам; помощь внеречевых элементов дает возможность производить сцепление мыслей, игнорируя сцепление форм:

А Ив(ан) ответил, что я не знаю и...

А только старались как бы продернуть администрац(ию).

Крестьяне обиделись зачем отдал богачам их богатство.

На этом же основаны предложения с независимыми (не согласов(анными) с подлежащим) деепричастиями; *попавши на фабрику, нас отдают; крестьяне приезжая за 10 в(ерст), им отказывают*.

§ 20. Общий тонус речеведения в просторечии в области аксессуаров речи сходен с литературным. Типы мимики, жестикуляции, повышенности голоса, типы интонаций, эмоции так же привязаны к каждому речевому сношению, так же устойчивы для каждой формы бытового сношения, сопровождаемой речью. В просторечии они, может быть, лишь более экспансивны, не будучи связаны различными условностями "хорошего тона", которыми опутан человек, сносящийся на литературном языке. Некоторые формы языка просторечия совпадают с этой общей¹⁰⁸ экспансивностью речи: мгновенные глаголы очень экспрессивного значения (в пов(елительной?) речи): *хрясь по зубам, он хлысть его!, хватъ за шиворот, междометные зачины фраз (по существу без особой экспрессии): ой уж уехал; ой, извиняюсь; ах, она у тебя!, смеялась, ой!*

¹⁰⁴ Первоначально в тексте было: *оригинального типа*.

¹⁰⁵ Слово приписано над строкой.

¹⁰⁶ Слово приписано над строкой.

¹⁰⁷ Написано над зачеркнутым словом *структуру*.

¹⁰⁸ Слово приписано над строкой.

На этой почве при знакомстве¹⁰⁹ с обстановкой привычного бытового акта отпадает необходимость¹¹⁰ каждый раз нового построения речевых оборотов из привычных сочетаний; из него достаточен знак, сигнализирующий все последующие и вызывающие чужую реакцию:

Встреча и прощание
Наше (вам почтение) пока
Моё вам всего
Ну как! Всех
Почтение! До скорого!
Пишите (ирон.)
А.Н. Счастливо!
Вычурн. Добрый привет Пожилаим
Согласие – отрицание¹¹¹
Иди ты! Кончено! (дело)
Мимо! Определенно
Брось Факт
Странно! Ясно
Ничего подобного! ("лит.") Есь такое дело
Ага!
Вот и все
Вопрос
Ну?! Понуждение
Понятно? Вали
Это будет N улица? Дуй
Вы случайно не к нам?
В чем дело?
Обращение
Тов(арищ), скажите ск(олько) время?
Гражданин, посторонись!

Житейские условия выработали и форму обращения.

¹⁰⁹ Далее одно слово жирно зачеркнуто (запись неразборчивая).

¹¹⁰ Далее зачеркнуты два слова, предположительно: законченной речи.

¹¹¹ Сбоку напротив столбцов приписано: похвала – хорош(е) дело.